

ПРАВИТЕЛИ РОССИИ

ИМПЕРАТОР ВСЕРОССИЙСКИЙ

АЛЕКСАНДР II
НИКОЛАЕВИЧ

Правители России

Игорь Христофоров

**Император Всероссийский
Александр II Николаевич**

«ИД Комсомольская правда»

2015

Христофоров И. А.

Император Всероссийский Александр II Николаевич /
И. А. Христофоров — «ИД Комсомольская правда»,
2015 — (Правители России)

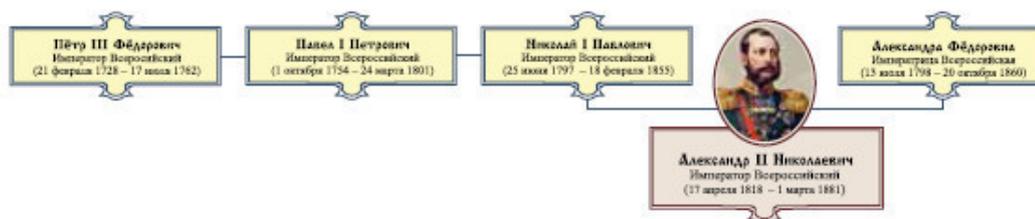
ISBN 978-5-87107-926-3

Александр II получил особое звание – Освободитель. Единственный из российских царей, кто нашел в себе силу и мужество избавить Россию от главного тормоза развития – крепостного права. Одного этого хватило бы, чтобы остаться навсегда в истории. Но он пошел еще дальше и прославился как реформатор армии, местного самоуправления, цензуры. При нем Империя значительно расширилась за счёт включения земель в Средней Азии, на Кавказе, Дальнем Востоке.

ББК 63-8

Содержание

У колыбели	5
Воспитание	9
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Игорь Христофоров

Император Всероссийский Александр II Николаевич. 17 апреля 1818 – 1 марта 1881

У колыбели

Ни в мировой, ни в российской истории 1818 год не отметился чем-либо особенно выдающимся и примечательным. Разве что в далекой от России Южной Америке независимость провозгласила Чилийская республика, а в соседней Швеции на королевский престол под именем Карла XIV Юхана официально вступил бывший наполеоновский маршал гасконец Жан Бернадот. И то и другое событие в каком-то смысле можно считать эхом совсем еще недавно бушевавших в Европе революционных бурь. Однако лишь далеким эхом... Наполеоновские войны остались позади, и на континенте, казалось, восстановились покой и прежние порядки. Победители Бонапарта – монархи России, Пруссии и Австрии – ощущали себя почти безраздельными властителями в собственных странах и вершителями судеб Европы. При этом роль первой скрипки в оркестре держав принадлежала создателю Священного союза – Александру I.

Николай I. Гравюра с портрета Ф. Крюгера. Первая треть XIX в.

Международный авторитет и видимое могущество Российской империи еще никогда не были так велики. ореол былых воинских побед кого-то убаюкивал, но кого-то, напротив, возбуждал. Некоторые представители русской элиты не без основания считали, что высокий международный престиж России абсолютно не соответствует бедственному положению внутри страны – крепостному праву, самовластию правителя, косности и невежеству большинства ее жителей (отнюдь не только крестьян). В январе 1818 года немногочисленные сторонники перемен создали «Союз благоденствия» – организацию с пока еще достаточно умеренной программой. Союз был тайным лишь условно и поначалу не внушал власти больших опасений. «Не мне быть строгим», – заявил помнивший о собственных либеральных мечтах император, выслушав доклад о создании «тайной организации». Надо сказать, что в «высших сферах» в это время продолжали обсуждаться разнообразные проекты реформ, порой достаточно радикальных, в том числе планы отмены крепостного права и создания общероссийского парламента. Александр I еще не окончательно расстался с мечтами своей молодости. Однако ни внешних, ни внутренних стимулов к преобразованиям в наличии не было, и проекты неизменно отправлялись пылиться на архивные полки...

Императрица Александра Фёдоровна в русском придворном платье. С портрета Ф. Крюгера. Конец 1830-х гг.

Гораздо больше так и не осуществившихся реформ династия была озабочена в это время проблемой наследника. Ни у Александра I, ни у его брата Константина сыновей не было, и престол согласно закону должен был рано или поздно перейти к мужскому потомству их младшего брата, будущего Николая I. Неудивительно, что появления этого потомства все члены большой семьи Романовых ждали с особым нетерпением.

Отец нашего героя познакомился со своей будущей женой Фредерикой Шарлоттой Вильгельминой, дочерью прусского короля Фридриха Вильгельма III, еще в 1814 году. Династические расчеты в этом случае счастливо совпали с сердечными: великий князь Николай и принцесса влюбились друг в друга. После двухлетней помолвки 13 июня 1817 года они обвенчались в церкви Зимнего дворца. Перед этим принцесса приняла православие под именем Александры Фёдоровны. По существующим обычаям она постепенно освоила и русский язык (учителем был известный поэт и придворный Василий Жуковский). Впрочем, до конца своих дней она предпочитала пользоваться родным немецким, который был одним из основных языков и в семейном общении – наряду с русским и французским.

Вскоре после свадьбы молодожены перебрались в Москву и поселились в Кремле. Решение это было несколько необычным. Понять его можно, если учесть, в каком тяжелом положении первопрестольная оказалась после пожара 1812 года. Одновременно Отечественная война сильно подняла символический статус Москвы. Именно здесь, в доме митрополита Платона при Чудовом монастыре, 17 апреля 1818 года в семье родился первенец. «В 11 часов утра я услышала первый крик моего первого ребенка, – вспоминала позже Александра Фёдоровна. –

Никс целовал меня, не зная еще, даровал нам Бог сына или дочь, когда матушка, подойдя к нам, сказала: «Это сын». Счастье наше удвоилось, однако я помню, что почувствовала что-то внушительное и грустное при мысли, что это маленькое существо со временем будет императором». Тот факт, что будущий император Александр II родился и был крещен в Москве, можно считать знаменательным: именно в его царствование в России окрепнет и утвердится национальная, славянофильская в своей основе идеология, для адептов которой древняя Москва имела безусловный приоритет перед «гнилым» и «космополитическим» Петербургом. Однако это произойдет гораздо позже... Пока же пребывание великокняжеской четы в Москве оказалось недолгим, и детство Саши в основном проходило в Петербурге и его окрестностях: в Аничковом дворце, Павловске, Петергофе и Царском Селе. Когда ему исполнилось шесть, воспитателем был назначен капитан Карл Карлович Мердер – добрейший и отзывчивый человек, при этом по-немецки педантичный и внешне очень строгий.

Воспитание

Именно Мердер в день восстания декабристов 14 декабря 1825 года перевез 7-летнего мальчика, за пару дней до того официально провозглашенного наследником престола, из Аничкова в Зимний дворец. Восставшие полки все еще находились на Сенатской площади, и исход событий был далеко не ясен. Николай I приказал вынести Сашу к стоявшему во дворе Зимнего Саперному батальону, и, обратившись к солдатам, просил «полюбить его сына, как сам он их любит». Впоследствии 14 декабря ежегодно отмечали в семье как особый день: никакого табу на память о восстании наложено не было. «Избави тебя Бог от подобного начала, – писал Николай I сыну 14 декабря 1838 года, – и дай Боже, чтоб на себе я искупил все тяжелое для тебя». Не дал...

Николай I с младшими сыновьями Николаем и Михаилом. Рисунок О. Верне. 1830-е гг.

Знакомство с «Записками» Мердера (бесценным источником, позволяющим понять многие человеческие свойства Александра) убеждает: многолетнее воспитание мальчика было гораздо глубже формальной дрессировки и принуждения. Главной своей задачей воспитатель видел формирование в нем чувства долга – сложного иерархического представления об огромной ответственности и многочисленных обязанностях будущего монарха (ни в коем случае не о правах!) – перед Богом, семьей, страной и миром. Воздействие на Сашу в этом духе было постоянным и очень настойчивым. Естественно, Карлу Карловичу приходилось преодолевать серьезное психологическое сопротивление мальчика. Особенно активно он боролся в нем с качеством, которое называл непостоянством. «Все, что доставляет вам малейший труд, пугает вас и вам противно», – говорил он наследнику. «Не помню, чтобы когда-нибудь он чего-нибудь желал сильно и настойчиво, – меланхолически констатирует Мердер в другом месте дневника. – Ему случается провести час времени, в продолжение которого ни одна мысль не придет ему в голову; этот род совершенной апатии меня приводит в отчаяние...» После очередного упрека в «вялости» Саша (ему было в этот момент уже почти 11) не сдержался, заявив:

«Я желал бы не родиться великим князем». Но Мердер не устал убеждать его: «Веселость и чистое удовольствие сердца имеют источником точное исполнение обязанностей».

Естественно, приходит в голову, что выбор воспитателя не был случайным: родители явно признали, что протестантская педагогическая традиция наилучшим образом соответствует задаче формирования характера будущего самодержца. Отметим также отсутствие в воспитании наследника какого-либо акцента на национальных или православных мотивах (которые, разумеется, не отвергались, но и не педалировались). Характерно, что товарищами (мальчиками-компаньонами) Александра были избраны поляк Иосиф Виельгорский и немец Александр Паткуль. В 1826 году разработка стратегии воспитания была поручена В. А. Жуковскому – человеку в высшей степени светскому и настроенному космополитически. В духе того времени религиозность воспитателя была, так сказать, общехристианской, основой же программы образования цесаревича, которую он составил, стали достаточно абстрактный гуманизм и неизменный сентиментализм («чувствительность») – фирменный знак Жуковского-поэта.

При этом в одном важном отношении поэт-воспитатель проявил достойную уважения настойчивость: он последовательно противился «милитаризации» воспитания наследника: «Страсть к военному ремеслу стеснит его душу: он привыкнет видеть в народе только полк, в Отечестве – казарму. Мы видели плоды этого: армии не составляют могущества государства. Если царь занят одним устройством войска, то оно годится только на то, чтобы произвести 14 декабря». Эти слова, обращенные к императрице всего через 10 месяцев после восстания декабристов, звучали резко и по-настоящему смело. Но спустя три года Жуковский уже почти смирился: «Желал бы убедиться, что частые появления Его Высочества на парадах, видя, что из парада делают государственное дело, не будут иметь на него дурных последствий: легко может ему прийти мысль, что это действительно дело государственное, и он может ему поверить». Проблема заключалась в том, что эта мысль была не случайным заблуждением: именно как к государственному делу (конечно, не единственному) относился к парадом, разводам, точности шага и ровности строя сам Николай I, и никакой Жуковский, конечно, не мог убедить его в обратном.

Бессмысленно изображать Николая Павловича тупым солдафоном: он им не был. Но нельзя не замечать и той любви к форме в ущерб содержанию, к внешнему порядку в ущерб настоящей устроенности, которая стала чуть ли не самой характерной чертой его царствования. Увлечение мальчика и юноши «красивой» стороной военного дела понятно и простительно. Гораздо менее простительно оно у тех, кто направляет судьбы страны. Впрочем, отец и сам чувствовал опасность такого «формализма», хотя, может быть, не отдавал себе отчета в его системном характере. Как-то раз он в свойственном ему приказном тоне поделился своими опасениями и с Мердером: «Я заметил, что Александр показывает вообще мало усердия к военным наукам. Я хочу, чтобы он знал, что я буду непреклонен, если замечу в нем нерадивость по этим предметам; он должен быть военный в душе, без чего он будет потерян в нашем веке. Мне казалось, что я заметил, что он любит одни только мелочные подробности военного дела». Оправдываясь, воспитатель достаточно откровенно отвечал, что он прилагает все свои усилия, чтобы сделать Александра «великим полководцем», а винить мальчика нельзя, потому что «у нас вообще обращают более внимания на мелочи военной службы, чем на предметы истинно важные».

Карл Карлович Мердер. 1830-е гг.

Судя по всему, выбор Мердера на роль воспитателя наследника оказался очень удачным. Постоянное обращение к чувствам, к внутреннему миру воспитанника дополняло внешнюю строгость воспитания, гуманизировало его представления о мире и о своем месте в нем. Возможно, чувствительность, которую в нем культивировали, была несколько поверхностной, но она была искренней. Очень тонко уловил эту черту молодой Александр Герцен, познакомившийся с наследником, когда тому было уже около 20 лет: «Вид наследника не выражал той узкой строгости, той холодной беспощадной жестокости, как вид его отца; черты его скорее показывали добродушие и вялость». Наследник в эти годы нередко играл предписанную ему ритуалом роль заступника перед отцом, прося его проявить «милость к падшим»: наказанным, сосланным, обиженным судьбой. Но делал он это совсем не ритуально, а очень искренне, радуясь возможности помочь людям.

В 1833 году Мердер заболел и вынужден был уехать на лечение за границу, Александр очень тяжело переживал расставание с воспитателем и еженедельно писал ему очень подробные письма. Когда же через год до Петербурга дошла весть о смерти «драгоценного Карла Карловича», родители долго не решались сообщить ее юноше, опасаясь за его душевное здоровье.

Елка в Зимнем дворце. Акварель А. Ф. Чернышёва. 1848 г.

Конечно, планка, заданная воспитателями, была очень высока. «Знайте только одно, – писал 14-летнему наследнику Жуковский, – что в наше бурное время необходимее, нежели когда-нибудь, чтобы государи своею жизнью, своим нравственным достоинством, своею справедливостью, своею чистою любовью общего блага были образцами на земле и стояли выше остального мира». За пафосом этой фразы можно увидеть довольно необычную по тем временам мысль. А разве государь уже не стоит выше остального мира по праву рождения и помазания на царство? Нет, по Жуковскому выходило, что это право надо еще заслужить. А если не получится? Да и не являлась ли заведомо невыполнимой задача «стоять выше остального мира»?

У сентименталистского воспитания была еще одна сторона, которую мы едва ли найдем в монарших семьях XVIII века. Я имею в виду культивирование очень близких и теплых отношений между детьми и родителями, сестрами и братьями, наконец, многочисленными родственниками. У наследника были три младшие сестры (Мария, Ольга и Александра) и три брата (Константин, Михаил и Николай). Но, конечно, особенно душевными были его отношения с родителями. И это при том, что любить Николая I было, судя по всему, непросто, ведь воспитан тот был в далеко не идиллической обстановке, по канонам XVIII века, и был человеком крайне жестким. Боялся ли Александр отца? Насколько мы можем судить, наследник не испытывал страха перед грозным самодержцем, который был способен парализовать собеседника одним своим взглядом (и часто этим пользовался). Но авторитет отца в его глазах был поистине непререкаем. «Я, как Ты сам знаешь, по-Твоему дышу», – признавался он позже.

В. А. Жуковский. С гравюры Т. Райта. Первая треть XIX в.

22 апреля 1834 года, в день Святой Пасхи, достигший совершеннолетия Александр принес торжественную присягу «в верности государю и Отечеству». С этого дня началось формальное приобщение наследника к государственной деятельности: он был назначен присутствовать в Сенате и Синоде, а также стал генералом свиты отца. Однако 16-летие не означало, что образование будущего императора закончено: согласно плану Жуковского он еще должен был пройти высшую математику, физику, астрономию, историю, географию, статистику и финансы, право, литературу, политическую экономию, а также целый ряд военных наук. Преподавателями теперь были уже не только профессора, но и крупнейшие государственные деятели империи: М. М. Сперанский, министр финансов Е. Ф. Канкрин, видный дипломат Ф. И. Бруннов, крупный военачальник генерал А. А. Жомини.

Естественно, возникает вопрос, насколько глубоким было образование, полученное Александром. Однозначный ответ на него дать сложно. С одной стороны, преподаватели были действительно высшего класса, сам процесс был далек от механической зубрежки, а система обучения была выстроена Жуковским так, чтобы максимально мотивировать юношу. С другой стороны, нужно, конечно, иметь в виду колоссальную дистанцию в статусе: преподаватели в общем-то были лишены возможности требовать от ученика больше того, что он хотел сделать. А после отъезда Мердера контроль за успеваемостью наследника был довольно условным. Еще

важнее было то, что он учился «всему понемногу и ничему в особенности». В отличие от университета, где специализация предполагает не только получение глубоких знаний по выбранному предмету, но и привычку к самостоятельной мыслительной работе (которая, собственно, и составляет суть высшего образования), Александр получал более или менее готовые знания. Естественно, что большая их часть едва ли удержалась в его голове надолго.

Важной частью воспитательного процесса и одновременно знаком его завершения, по мысли Жуковского и Николая I, должны были стать два длительных путешествия наследника. В ходе поездки по России он должен был увидеть своими глазами и узнать ближе страну, которой ему предстояло управлять. Путешествие же в Европу было посвящено знакомству с миром, точнее, с той его частью, которая была тогда для образованных русских естественной средой обитания. Особенно важным считалось первое, которое Жуковский сравнил с чтением книги: «Эта книга – Россия, но книга одушевленная, которая сама будет узнавать своего читателя. И это узвание есть главная цель настоящего путешествия». Другая, не менее яркая метафора, которую использовал поэт, – наследник «венчается с Россией».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.